

П.О. Карышковский

Монеты Ольвии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
П11

П11 **П.О. Карышковский**
Монеты Ольвии / П.О. Карышковский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-458-30695-9

В монографии впервые в отечественной науке прослеживается процесс возникновения, расцвета и упадка денежного обращения в Ольвийском полисе рубежа VII - VI вв. до н. э. - IV в. н. э. Показаны особенности денежного обращения в Нижнем Побужье, выделена роль иноземных и местных монет на разных этапах истории Ольвии. В связи с датировками отдельных эмиссий затрагиваются вопросы, связанные с монетным делом Ольвии. Учитываются монетные находки в регионе. Особо рассматриваются надписи, содержащие данные по истории денежного обращения Для историков, археологов, всех, кто интересуется античными монетами и древней Северного Причерноморья.

ISBN 978-5-458-30695-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИИ В XIX—XX вв.

1. Уже в конце первой четверти XIX в. монеты Ольвии были достаточно полно описаны [17], а находка декрета в честь Протогена вызвала первую попытку изучения монетной системы ольвиополитов [237], но денежное обращение этого полиса за весь тысячелетний период его существования никогда не было предметом специального исследования. Впрочем, А. С. Уваров (1828—1884) стремился связать антикварно-нумизматический анализ монет с выявлением особенностей денежного обращения Ольвии; он пытался, к примеру, определить номиналы и весовую систему древнейших литых монет, выделить серии, изготовленные по римскому образцу и т. п. [159. С. 104—119, табл. XXII—XXIV]. Такие тенденции не получили, к сожалению, дальнейшего развития вплоть до начала XX в., однако к указанному времени были удовлетворительно опубликованы едва ли не все известные в настоящее время типы и разновидности ольвиийских монет и в общих чертах намечена их типологическая и стилистическая классификация [13. № 1—257, табл. I—IX; 15. № 1—119; 14. № 8—275, табл. I; 19. № 1—146, табл. II; 16. № 115, 129—306, табл. I]. Наглядным итогом этой работы явились таблицы ольвиийских монет в зарубежных изданиях конца XIX — начала XX в. [254. Табл. VIII—XII; 247. Табл. II—III].

Новый этап в изучении денежного обращения Ольвии связан с деятельностью А. Л. Бертье-Делагарда (1842—1920). Одним из первых он приступил к серьезному и самостоятельному исследованию сложной монетной метрологии античного мира, разработал методику определения реального веса отдельных номиналов и проследил изменения весовых норм и монетных систем древних городов Северного Причерноморья; все это сознательно делалось «для познания их экономической жизни» [29. С. 1]. Вслед за разрешением таких задач «становятся,— по его словам,— возможными соображения о перемене денежных систем, о причинах и порядке этого, об относительной стоимости металлов, о бедности и полноте чеканов, об основном номинале систем, о допускавшейся терпимости веса или пробы металла, об их

изменяемости в различных номиналах монет, об уклонении от норм под влиянием особых причин, об изнашивании монет и о многом подобном» [30. С. 51]. Хотя в приведенном перечне смешаны вопросы из области монетного дела и относящиеся, собственно, к сфере денежного обращения, само стремление использовать античные монеты как полноценный источник для восстановления утраченных черт важной и мало исследованной экономической стороны древней жизни [30. С. 51—52] было для начала XX в. незаурядным явлением в мировой нумизматической литературе.

А. Л. Бертье-Делагард не успел реализовать намеченную им программу в полном объеме даже по отношению к Херсонесу, всегда находившемуся в центре его исследовательских интересов. Однако он раскрыл несостоятельность широко распространенных в зарубежной научной литературе представлений о необыкновенном обилии золота в Скифии [29. С. 2—10, 47, 58, 95], установил значение серебра для денежного хозяйства ольвиополитов в IV в. до н. э. [29. С. 59—63, 81—83, 99]. Исследователь наметил также группировку всех золотых и серебряных монет Ольвии по номиналам, собрав для этого весовые материалы из многих русских и зарубежных коллекций [30. С. 62—67]. Наконец, он разработал проблему обращения в Ольвии полноценной литой монеты и ее последующей редукции [29. С. 67—77, 91—93], показал, опираясь на эпиграфические данные, роль электровых монет Кизика в денежном хозяйстве ольвиополитов [29. С. 54—55, 60—61], попытался определить для IV в. до н. э. относительную стоимость монетных металлов [29. С. 56—59, 76—77, 85—86]. Терминологические неточности и недостаточная обоснованность некоторых выводов не лишают и сейчас научное наследство А. Л. Бертье-Делагарда ценности и значения.

И все же, в начале XX в. проблемы денежного обращения Ольвии едва намечались. Крайне медленно продвигалась и работа по введению в научный оборот монетных собраний — крупнейшие коллекции ольвийских монет в Эрмитаже и в Одесском музее не были даже описаны, монетные находки из Ольвии и ее окрестностей издавались эпизодически [161. С. 63—66; 162. С. 231—237; 52. С. 90—93, 100—114]. Такое положение не случайно: планомерные раскопки древнего города начались поздно, изучение экономики и культуры Ольвии отражало как сильные, так и слабые стороны дореволюционного русского антиковедения. Не удивительно, что наиболее существенные черты ольвийского хозяйства оставались нераскрытыми; непомерное преувеличение роли торговли сочеталось с почти полным пренебрежением к изучению земледельческого и ремесленного производства; искалась картина взаимоотношений греческих поселенцев с местными племенами.

В научной литературе европейских стран денежное обращение Ольвии также не получило серьезной разработки. Если не останавливаться на публикациях ольвийских монет на страницах

музейных и аукционных каталогов и на кратких и немногочисленных замечаниях в общих трудах по истории античного хозяйства или древней нумизматики, можно назвать лишь статью Б. Ляума об ольвийских дельфинах [232], в которых автор искал подтверждения своей шаткой гипотезе о возникновении денежного обращения в культовой практике древнегреческих храмов [233; 143], и брошюру Г. Шмица, который при изучении денежного обращения Ольвии в IV в. до н. э. исходил из предположения о ранних и обильных эмиссиях золотых монет в Ольвийском полисе [270]. На фоне таких домыслов выгодно выделяются статьи С. Робинсона о серебряных монетах эллинистической Ольвии и С. Сорда о древнейших литых бронзовых монетах Северо-Западного Причерноморья [268; 278].

2. Предпосылки для всестороннего и углубленного изучения истории античных полисов Северного Причерноморья и, в частности, их экономики и денежного обращения стали складываться лишь в ходе становления и развития советской исторической науки. На основании материалов, полученных в ходе раскопок Ольвии и памятников Нижнего Побужья, стал возможным новый подход к истории этого региона в античную эпоху. Разумеется, было бы преждевременным считать завершенным изучение развития производительных сил на разных этапах существования Ольвийского полиса, этнического состава его населения, общественно-политического строя, связей с эллинским и племенным миром, культуры и религии, но исследование этих проблем и многих частных вопросов поставлено на твердую методологическую и источниковедческую базу в соответствии с общим уровнем советского антиковедения. Тем самым созданы необходимые условия и для углубленной разработки истории монетного дела и денежного обращения Ольвии.

Такие условия сложились не сразу. Советская нумизматика прошла сложный путь развития [170], и создание общей картины развития ольвийского монетного дела наряду с разработкой основных проблем истории денежного обращения в античном Причерноморье завершилось лишь к началу 40-х годов в результате многолетних исследований А. Н. Зографа (1889—1942).

Филолог-классик по образованию, участник ряда археологических экспедиций, А. Н. Зограф владел огромным монетным материалом из музейных фондов и раскопок и был подготовлен к этой задаче лучше, чем кто-либо из его предшественников. Начав в 20-х годах с публикаций чисто нумизматического и искусствоведческого характера, он обращается затем к углубленному изучению монетных находок и монетной техники и издает ряд работ по истории денежного обращения Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии в античную эпоху. К началу Великой Отечественной войны исследователь завершил увидевшую свет лишь в 1951 г. фундаментальную работу о древних монетах, в которой впервые прослежен ход развития денежного хозяйства северопонтийских полисов [70. С. 111—212].

В Ольвии выпуск монеты начался рано, и притом на основе дешевого металла — меди; в силу сложившейся традиции ольвиополиты и в дальнейшем долго пользовались крупными литыми медными монетами. Первоначально монетные слитки имели форму дельфинов, но еще до конца VI в. до н. э. произошло их резкое обесценение и на смену дельфинам приходят полноценные круглые монеты — так называемые ольвийские ассы. Однако они мало подходили для междугородского обмена и в Ольвии, как и вообще на северных берегах Понта, долго находились в обращении электровые монеты Кизика. В V—IV вв. до н. э. ольвиополитами выпускались и чеканенные серебряные монеты, но этот металл не играл, по мнению А. Н. Зографа, существенной роли в процессе обращения [70. С. 121—127].

В последней четверти IV в. до н. э. ольвиополиты осуществляли, как полагал А. Н. Зограф, редукцию полноценной медной монеты, и город перешел к чеканке золота, серебра и разменной меди. Впрочем, Ольвия не могла соперничать с золотыми эмиссиями Александра и Лисимаха, статеры которых пришли на смену кизикинам в причерноморской области. В начале III в. до н. э. в связи с общим ухудшением экономического и политического положения города чеканка золотой монеты была прекращена, а во времена Протогена (автор помещал декрет в его честь между 279 и 213 гг. до н. э.) в обращении не стало серебра и наблюдались все признаки острого денежного кризиса [70. С. 127—132]. С конца III в. до н. э. ольвиополиты снова выпускают серебро, но низкопробное, и неоднократно подвергают свои серебряные монеты клеймению [70. С. 132—137].

В последней четверти II в. до н. э. Ольвия попадает в зависимость сначала от скифского царя Скилура, а затем от Митридата Евпатора. Характерной чертой денежного обращения первой половины I в. до н. э. является массовое проникновение на ольвийский рынок городских медных монет Понта и Пафлагонии [70. С. 136; 68]. В середине указанного столетия город был разгромлен гетами, и чеканка монеты возобновилась не ранее времени правления Августа.

В I—II вв. н. э. денежное обращение Ольвии строится на основе римской монетной системы, причем в течение всего периода наблюдается неуклонное обесценение медной монеты. На рубеже II—III вв. н. э., а также в начале второй четверти III в. н. э. ольвиополиты чеканят медь с изображениями и именами римских императоров. Денарии Траяна и его преемников до Северов включительно нередко встречаются в Ольвии; они, очевидно, обращались как в самом городе, так и в его окрестностях [70. С. 138—145; 66]. В I—II вв. н. э. на ольвийском монетном дворе были выпущены также золотые монеты Фарзоя и серебряные — Иненсимея (Инисмея); эти эпизодические эмиссии не оказали влияния на денежное обращение, а сами монеты, по Зографу, носили, скорее всего, характер донативов [70. С. 137—139].

Изложенная в общих чертах разработанная А. Н. Зографом схема истории денежного обращения Ольвии не может оспариваться в целом. Однако не все ее звенья представляются одинаково прочными, да и само освещение проблем, касающихся лишь одного из северопонтийских городов, в рамках сводного труда, посвященного монетам всего античного мира, лишило автора возможности подтвердить свои взгляды анализом всего относящегося к ним материала. Привлечение данных, ставших известными в послевоенные годы, позволяет уточнить, видоизменить и порой даже отвергнуть некоторые из его утверждений, а также поставить на очередь изучение таких вопросов, которые были едва затронуты в трудах А. Н. Зографа. Необходимо, однако, подчеркнуть, что всякая дальнейшая работа над монетами Ольвии должна исходить из выводов и предположений А. Н. Зографа, которые в своей совокупности в основном верно отражают наиболее существенные особенности истории ольвийского монетного дела и денежного обращения.

В довоенные и послевоенные годы история монетного дела и денежного обращения на территории юга СССР в античное время привлекала и многих других специалистов. При этом еще четверть века назад приходилось констатировать, что внимание и силы ученых распределялись очень неравномерно, причем именно по ольвийской нумизматике до половины 50-х годов было сделано сравнительно не так уж много [170. С. 8]. За три последних десятилетия советская нумизматика добилась немалых успехов: расширился диапазон исследований по всем отраслям истории монетного дела и денежного обращения, поднялся их теоретический уровень, значительно усовершенствовалась методика нумизматических штудий; возросло за эти годы и количество работ, посвященных денежному обращению Ольвии. Так, была поставлена проблема обращения в Нижнем Побужье литых бронзовых наконечников стрел [156; 54; 127; 64; 147; 23], уточнены данные об обращении в регионе кизикинов и других архаических электровых монет Малой Азии [173; 83; 119; 109; 33—36], а также золотых монет македонских царей и Лисимаха [88; 37; 125], с различных позиций разрабатывался вопрос о стоимости монетных металлов в Причерноморье [77; 21; 41], об особенностях обращения широко распространенных бронзовых ольвийских монет с изображением Борисфена [100; 22; 160] и понтийской городской меди времени Митридата Евпатора [95], была, наконец, освещена история утверждения в Ольвии римской монетной системы [111; 112]. Если принять во внимание, что в это время были также уточнены классификация и хронология многих ольвийских эмиссий, то следует признать своеевременным комплексное изучение истории денежного обращения Ольвийского полиса за все время его существования, что и является задачей настоящей работы.

§ 2. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИИ

1. Античная литературная традиция не сохранила ни одного прямого свидетельства о монетах и денежном хозяйстве ольвиополитов. Не слишком много и соответствующих указаний эпиграфических документов — как памятников лапидарной эпиграфики, так и граффити. Среди последних, впрочем, можно отыскать несколько текстов, имеющих прямое отношение к денежному обращению архаического времени.

Одно из граффити представляет собой фрагмент деловой записи на внешней стороне стенки ионийского килика первой половины VI в. до н. э., найденного на Березани. Сохранилось два не сходящихся краями обломка, на которых был записан реестр расходов и доходов неизвестного по имени купца. Денежные суммы выражены в гектах и гемигектах (*hektai, hēmiektaī*), т. е. в подразделениях электровых статеров, характерных для ранней монетной системы малоазийских полисов [38. С. 64—67]; это самое раннее письменное свидетельство об обращении монет в Нижнем Побужье (ср. § 4.1.).

Не меньший интерес представляет происходящее из Ольвии частное письмо второй половины VI в. до н. э., процарированное тонким острием на свинцовой пластинке. В первой части плохо сохранившегося документа читается упоминание о нескольких десятках статеров (*statēres*) — речь идет, надо полагать, о тех же электровых монетах Малой Азии [288. С. 19].

Третий документ представляет собой граффито на чернолаковом аттическом скифосе конца VI — начала V в. до н. э. и относится к категории застольных текстов. Из надписи следует, что наконечники или «острия» (*ardeis*) служили в Ольвии разменной монетой [54. С. 115; 55. С. 126—127]. Граффито удостоверяет денежные функции двулопастных бронзовых наконечников стрел, найденных на Березани, в Ольвии, на других поселениях Нижнего Побужья, Нижнего Подунавья и западного побережья Черного моря (ср. § 4.2).

2. Рассматривая памятники монументальной эпиграфики, необходимо подчеркнуть значение такого содержательного документа, как декрет о денежном обращении [10. № 24=12—№ 218]. Надпись обнаружена в 1876 г. в селении Анадолу-Кавак, на восточном берегу Босфора, среди руин знаменитого в древности святилища Зевса Урия. Можно полагать, что копия с постановления ольвиополитов была выставлена при входе в Черное море у храма божества, считавшегося покровителем мореплавателей, в числе других важных документов, регулировавших междуполисную торговлю на черноморских рынках [98. С. 79].

Декрет, принятый ольвиополитами по предложению некоего Каноба, сына Трасидаманта, определял условия въезда в «Борисфен», под которым подразумевался город Ольвия или даже

весь Ольвийский полис [98]. На территории последнего все были обязаны использовать в процессе торговли только ольвийские монеты (*to nomisma to tēs poleōs*) и устанавливался единый пункт обмена иноземных монет на местные — «на камне в экклесиастерии», т. е. на возвышении, с которого произносили речи в народном собрании [129. С. 49]; обмен иноземных монет на монеты Ольвии освобождался от пошлин, а ввоз и вывоз любых монет объявлялся открытым. Декрет устанавливал также обменный курс наиболее распространенных в Причерноморье монет метрополии — статеров города Кизика на южном берегу Мраморного моря.

Плита с надписью повреждена и вдоль правого и левого краев (рис. 1), но в большинстве таких мест дополнения однозначны и были сделаны при публикации [250]. Наиболее важно восстановление утраченного окончания 24-й строки, где устанавливается курс кизикинов. На камне читается: *pōleip kai bneisth[ai to]n tēp statēra ton Kyzikēpop [...]to hēmistatēgo* («золото продавать и покупать по ... с половиной статеров за статер кизикский»). В. Диттенбергер предположил, что здесь могло находиться *[dōdeka]to* или *[hendeka]to*, т. е. кизикин приравнивался к 11,5 или к 10,5 ольвийским статерам [196]. Поскольку в начале лакуны удалось различить верхнюю горизонтальную черту буквы Е [251. С. 314; 129. С. 48—49], большинство издателей и исследователей предпочли второе дополнение.

Если текст декрета восстановлен в первые годы после его обнаружения, то определение даты документа и составление к нему нумизматического комментария потребовали продолжительных усилий. Первые истолкователи памятника датировали его началом [196], первой половиной [129. С. 48—49] или концом IV в. до н. э. [250], но авторитет таких мастеров эпиграфического анализа, как В. Диттенбергер и В. В. Латышев, надолго сделал рапнию дату декрета общепринятой. В. Диттенбергер отверг путаные рассуждения первого издателя надписи, полагавшего, будто ольвиополиты определяли стоимость кизикского статера через его же половины (!), и разъяснил, что курс кизикина выражен в упоминаемом несколькими строками выше «ольвийском серебре», которое он представлял себе в виде статеров милетской монетно-весовой системы [196]. Ф. Линдиш согласился с его толкованием, но предположил, что речь должна идти о статерах евбейско-аттической системы [240. С. 41]. Поскольку среди ольвийских монет образцы таких статеров неизвестны, Т. Рейнак правильно обратил внимание на ольвийские серебряные статеры с профильным изображением Деметры и городской эмблемой — орлом, стоящим на дельфине (рис. 12, 7), которые выпускались в IV в. до н. э. по эгейской системе. К сожалению, французский нумизмат намного завысил средний вес указанных им статеров (12,5 г) и к тому же приравнивал электровый кизикский статер к 12,5 таких монет, что

привело его и других ученых к заключению о необычайно высокой тарификации кизикинов в Ольвии [266. С. 68—69].

Существенный шаг в изучении декрета Каноба был сделан А. Л. Бертье-Делагардом. Главную цель этого документа он видел в стремлении нуждавшихся в драгоценных металлах ольвиополитов привлечь золото из метрополии путем искусственного завышения местного курса кизикинов [29. С. 1—14, 60, 99]. Он не ограничился данными Т. Рейнака о весе ольвийских статеров и впервые воспользовался для вычислений средним весом двадцати монет этого типа [29. С. 54—63]. Метод его расчетов верен, но, располагая сравнительно небольшим нумизматическим материалом, А. Л. Бертье-Делагард не учел того, что по стилю, наличию или отсутствию дифферентов и по весу эти статеры распадаются на две группы, причем с декретом Каноба могут быть сопоставлены только сравнительно легкие экземпляры первой группы [75. С. 69—73; 76. С. 48—52] (§ 9.2; § 11.1).

Если А. Л. Бертье-Делагард подошел к интерпретации ольвийского декрета во всеоружии нумизматических знаний, то многие западноевропейские ученые, обращавшиеся к той же теме, были слабо знакомы с ольвийскими монетами. Более того, основные его выводы, сжато изложенные Э. Миннзом [247. С. 459, 472, 485], не привлекли внимания специалистов. В результате О. Фидебант пытался объяснить непомерно высокий курс кизикинов низким качеством ольвийского серебра [286. С. 104—106], тогда как проба рассматриваемых статеров не опускается ниже 850 % (см. приложение к настоящей работе). Еще более свободно подошел к документу Г. Шмиц: по его утверждению, с конца VI в. до н. э. в Ольвии началась эмиссия золотых монет [270. С. 7, 13]; в дальнейшем к золоту присоединилось серебро, причем ольвиополиты были озабочены его отливом за границы полиса — хотя первый пункт декрета разрешает вывоз любого (следовательно, и местного) «чеканенного серебра» (*argygeion ep̄isētōn*). По мнению Г. Шмица, декрет был издан специально для того, чтобы воспрепятствовать выгодному для иностранцев вывозу серебряной монеты из Ольвии [270. С. 20—21, 31—33]; попутно он вычитывает из документа, будто ольвийский полис не извлекал ни малейшей пользы из установленного им курса кизикинов [270. С. 7, 13].

В дальнейшем показания ольвийской надписи неоднократно привлекались и интерпретировались в ходе дискуссии о курсе кизикинов и о стоимости благородных металлов в греческом мире [ср. 77. С. 123—124]. И. Хазебрек полагал, что постановление было принято в связи со стремлением ольвиополитов поднять курс своих серебряных статеров выше их фактической металлической стоимости, причем городские власти, устанавливая обменный курс этих монет, предусмотрели получение некоторого дохода и потому сочли целесообразным воздержаться от прямого налога на обменные операции. Справедливо и осно-

вательно критикуя Г. Шмица за модернизацию всей системы античного хозяйства и игнорирование действительных условий тогдашнего денежного обращения, И. Хазебрек показал беспочвенность гипотезы о вывозе серебра из Ольвии в метрополию, но вместе с тем отказался от анализа конкретных числовых показаний документа — ведь невозможно установить, каков был размер дохода, извлекавшегося ольвиополитами из завышенного ими курса собственных серебряных монет [214. С. 86, 179—180; 212. С. 410—411]. В отличие от него Ф. Хайхельхайм солидаризуется с учеными, считавшими, напротив, что кизикины оценивались в Ольвии выше их действительной стоимости; такое завышение курса этих монет он устанавливает, впрочем, во всем ареале их обращения, и потому декрет Каноба блестяще подтверждается всей совокупностью сведений о греческом хозяйстве IV в. до н. э., а сам документ должен быть признан одним из важнейших письменных источников по истории денежного обращения в античном мире [216. С. 8—10, 37—38; 218. С. 310—311]. Фактическое повышение стоимости кизикских статеров по отношению к ольвийским констатирует и В. Цибель, утверждающий при этом, будто низкая тарификация ольвийского серебра должна была служить ему защитой на «международном» рынке [299. С. 52]; впрочем, о распространении этих монет за пределами Ольвийского полиса он не приводит никаких данных.

Заключение Т. Рейнака о слишком высокой цене кизикинов на ольвийском рынке признает также Р. Богарт, подчеркивающий при этом, что искусственная гипотеза Г. Шмица, будто декрет Каноба имел целью предотвратить вывоз серебряных монет из Ольвии, не встретила поддержки. Он оспаривает и мнение тех, кто полагал, что город хотел закрепить за собой определенный доход при обмене кизикинов — отсутствие пошлин на обмен и вывоз монеты, а также применение к нарушителям закона такой санкции, как конфискация и обмениваемых не по установленному курсу кизикинов и уплаченных за них ольвийских статеров, показывают, что город не преследовал фискальной цели. Смысл и назначение ольвийского закона состояли в утверждении монопольного положения ольвийской государственной монеты внутри полиса и в закреплении ее курса путем «привязки» к самой распространенной интерлокальной монете Причерноморья — к кизикинам; последние могли, конечно, и в дальнейшем обращаться в Ольвии, но утратили свое ведущее место на внутриполисном рынке [185. С. 89, 104, 115; 187. С. 121—125, 397—398]. Заслуживает внимания и взгляд М. Лялу, считающей, что высокая оценка кизикинов составителями ольвийского декрета была призвана остановить нелегальную спекуляцию этими монетами и несколько задержать их поступление на местный рынок, создав тем самым благоприятные условия для утверждения здесь местной ольвийской монеты [231. С. 63].

В советской научной литературе ольвийская надпись упоминалась многими, но часто — в связи с отдельными сообщениями [59. С. 291—298]. Впрочем, Г. Д. Штейнванд признавал ее важным документом и обоснованно критиковал В. В. Латышева, полагавшего, будто в силу этого постановления кизикинам придавалось в Ольвии право обращения наряду с собственной монетой, а также Г. Шмица, который видел его смысл в предотвращении и прекращении вывоза ольвийской серебряной монеты за пределы полиса. Цель декрета, по Г. Д. Штейнванду, заключалась в том, чтобы при помощи высокого принудительного курса на кизикины укрепить их пошатнувшееся положение [173. С. 19—21]. А. Н. Зограф, цитирующий с явным сочувствием скептические замечания О. Фидебанта, ограничивает значение документа тем, что им удостоверяется роль кизикинов в ольвийской торговле; курс этих монет А. Н. Зограф, подобно многим исследователям, признает завышенным и объясняет это тем, что здесь они могли обмениваться на медь [70. С. 48, 126—127, 175].

Как видно из приведенного обзора, высокая оценка кизикинов в Ольвии породила немало предположений о назначении декрета, а иногда и отступления от его содержания. Так, А. Серге, знающий, что надпись приравнивает кизикин к 10,5 или к 11,5 ольвийским статерам [273. С. 212], при попытке интерпретации денежного счета декрета в честь Протогена исходит из того, что кизикин разменивался в Ольвии на 13,5 статеров эгинской системы, каждый из которых состоял в свою очередь из 30 медных драхм (?!), и объясняет на этом основании как оценку кизикина, так и смысл выражения «из четырехсот» в декрете [273. С. 515]. Не менее произвольны и рассуждения о том, что, поскольку декрет Каноба датируется началом IV в. до н. э., а связываемые с ним со временем Т. Рейнака ольвийские статеры с изображением Деметры (рис. 12, 7) относятся ко второй половине указанного столетия, приходится отождествлять упоминаемые в нем серебряные статеры с монетами Эминака (рис. 11, 21), причем средний вес последних, значительно уступающий нормальному весу статеров эгинской системы, был специально понижен, чтобы предупредить их вывоз из Ольвии [21. С. 7—10].

Не останавливаясь на критике впервые высказанного Г. Шмицем предположения о возможности сколько-нибудь заметного вывоза серебра из Ольвии, где не было собственных источников металла (эта гипотеза достаточно убедительно опровергнута И. Хазебреком) [213], следует подчеркнуть, что отнесение ольвийского декрета к началу IV в. до н. э. не выдерживает критики. Твердая датировка ольвийских статеров с Деметрой [75; 80; ср. 70. С. 127; 21. С. 7—8] ставит под сомнение столь раннюю дату секрета [76. С. 65; 106], а палеографический анализ совокупности эпиграфических документов Ольвии доэллинистического времени позволил Ю. Г. Виноградову отнести